

АКИМОВА Т. И., ИБРАГИМ КАРВАН ХАДЖИ ИБРАГИМ
МИР ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема обращения Брюсова к теме Востока в своей поэзии. Анализируя три тома лирики из собрания сочинений, авторы статьи приходят к выводу о двух подходах поэта в изображении мира Востока: как важной составляющей части мировой культуры, освоением которой должен заниматься поэт-символист, и как пространства для эксперимента в области формы, прежде всего стиховой.

Ключевые слова: культура Востока, русско-арабские связи, творчество Брюсова, образ восточного героя-вождя, имитация арабо-персидского стихосложения, переплетение эротических и религиозных мотивов.

AKIMOVA T. I., IBRAHIM KARVAN HAJI IBRAHIM
THE WORLD OF THE EAST IN THE POETRY OF V. BRYUSOV

Abstract. The article addresses the issue of Bryusov's appeal to the topic of the East in his poetry. Analyzing three volumes of verses in the collected works, the authors come to the conclusion about two approaches of the poet to the image of the world of the East: as an important component of the part of world culture, the development of which should be engaged in the poet-symbolist, and as a space for experiment in the field of form, primarily verse.

Keywords: culture of East, Russian-Arab relations, Bryusov's poetry, image of eastern hero-leader, imitation of Arabic-Persian verse, interweaving of erotic and religious motifs.

На рубеже XIX – XX вв. в российском обществе наблюдается возрастание интереса к восточной культуре, в том числе арабской. С одной стороны, это было вызвано продолжением общественной полемики по решению вопроса о национальном самосознании, кто мы: Запад или Восток, – которая продолжалась теперь в направлении осмысления места и роли России в мировом пространстве. С другой стороны, российские художники и поэты подключались к европейской практике обращения к восточной образности и ориенталистике в целом в поиске обновления художественных средств выразительности. На это указывали и С.Л. Каганович [10], и П.И. Тартаковский [11]. Следует отметить, что тема «Восток в творчестве Брюсова» [8] уже становилась предметом изучения, однако исследование было направлено в основном в сторону рассмотрения переводов Брюсовым армянских поэтов, полагаем, что внутри данной темы можно выделить целый комплекс проблем, которые требуют детального анализа.

В первую очередь увлечение Брюсова темой Востока было предопределено двумя обстоятельствами: западной ориенталистикой, представленной в творчестве французских поэтов-модернистов, и пушкинской традицией обращения к чужой культуре, вызванного его

просветительскими установками. По выражению С. С. Аверинцева, в этом проявлялась «возможность любования чужой верой, выразившаяся хотя бы в тех вариациях на тему католического восторга перед Девой Марией, какие мы встречаем у протестанта Гёте — в финале “Фауста”, а у православного Пушкина — в балладе о Бедном Рыцаре» [1].

Увлечение другими культурами и мистикой в целом у В. Брюсова возникло от французских поэтов-символистов, через чтение и переводы которых определился его путь в собственную модернистскую поэтику. Значительным фактом, указывающим на понимание читателями-современниками Брюсова литературных аллюзий в его поэзии, является оценка М. Горького книги «Tertia Vigilia» (1898-1901), в которой называется источник, вдохновивший поэта: «Он воспевае Гекату и Изиду, посвящает стихи Александру Великому, Кассандре, воспевае Клеопатру, Орфея и многих других покойников, в одном стихотворении разбудил Рамзеса, и во всех стихотворениях этого цикла напоминает почему-то о благополучно здравствующем французском академике – поэте Хозе Мариа Эредиа» [2, с. 153]. Действительно, Горький точно указал на поэтический сборник Эредиа, в котором идея выстраивания стихотворений по хронологии развития человеческой цивилизации уже была продемонстрирована. И именно в третьей книге стихов Брюсова восточные мотивы зазвучат в стихотворениях «Ассаргадон», «Халдейский пастух», «Рамсес», «Жрец Изиды», «Моисей», «Александр Великий».

Этот сборник стихов создавался уже после окончания Брюсовым Московского университета, в котором с особым вниманием Валерий Яковлевич уделял именно истории культуры. Как вспоминал впоследствии поэт: «более или менее «специально» я занимался в университете первыми веками Римской истории, Салической правдой, русскими начальными летописями, эпохой царя Алексея Михайловича, Великой французской революцией» [2, с. 133]. Судя по признанию Брюсова, находящегося в поездке по Крыму, поэта в историческом срезе интересовал один вопрос: что может сделать личность, вступая в борьбу со временем, под названием жизнь: «Надо мной прошлое имеет странную власть. Время, возможность времени для меня ужасна и невероятна. Знать, что и сейчас мгновения падают, падают, и я, побеждая их разумом, не побеждаю волей, и ухожу, ухожу... Вот где истинное иди Вечного Жида. Все мы – проклятые Агасферы Времени» [2, с. 141]. В этом высказывании поэта запечатлены не только внутренние искания творческой личности, внезапно осознавшей свою конечность, то есть смертность, здесь открывается замысел исторической концепции Брюсова, находящей отражение прежде всего в его поэзии. Идея вечного скитания во времени, присущая исключительно поэту, сопряжённая с всеохватностью поэтического сознания, вела Брюсова к глубокому изучению разных культур, но, в первую очередь, древних, которые открывались поэтическому взору исключительно эстетически – через образы, ставшими

мифами, то есть прошедшими через многочисленное наслоение одного поэтического сознания на другое.

Следует подчеркнуть, что обращение автора «*Tertia Vigilia*» к изображению рядов древних культур воспринималось критиками серебряного века в духе ницшеанской философии – как возвеличивание образа лирического героя, как торжество творческого духа, сумевшего мыслью объять ход исторических событий и возвыситься над ними, благодаря поэтическому дару: «Древняя Греция, таинственный Восток, суровый скандинавский Север, даже загадочная глубь доисторической жизни – одинаково привлекают к себе его внимание. Но что хочет поэт сказать образами давно минувшего? Если мы присмотримся к образам, на которых останавливается поэт, то увидим, что все эти образы являются воплощением, олицетворением силы, будь это стихийная сила жизни, как в диких скифах, в которых поэт, вопреки науке, признаёт своих отдалённых предков, либо могущество ничем не ограниченной власти, как у Ассаргадона и Александра Македонского, или же наконец непобедимая сила воли, стремление к подвигу, как у могучих скандинавских викингов. Упоение силы, могущества, гордости, вот чего ищет поэт в дали минувшего, от отчего преклоняется с благоговением перед величественными образами царей и героев» [2, с. 154]. Именно в контексте поиска выдающихся личностей, «вождей» происходит встраивание Брюсовым культуры Востока в единую линию развития человеческой цивилизации. Его интересовали не экзотический пейзаж или артефакт из мира Востока, поэт искал, выражаясь словами Л. Н. Гумилёва, пассионариев, тех, кто преодолел своё время и встал как будто над ним.

В то же время установку автора «*Tertia Vigilia*» на осмысление истории прошлых веков через поиск красоты в древних культурах и образах отмечал и другой критик: «Есть прекрасные стихотворения, но в другом роде, стихотворения, так сказать, навеянные или внушённые отчасти музой Бальмонта, отчасти Верлена, Верхарна, отчасти познаниями автора в халдейской, ассирийской и египетской премудрости и старине» [2, с. 156]. Примечательно, что здесь утверждается, что поэту необходимо иметь теоретические знания в тех сферах, которые он изображает, поэтому объяснять брюсовское увлечение Востоком только данью моде или следованию той традиции, которая закладывалась Бальмонтом, было бы неправильно. Мир Востока привлекал поэта своей мощью, силой, умением оставаться неизменным на протяжении многих веков и тем самым преодолевать время. Всё это становилось особенно актуально в связи с событиями в России в начале XX века.

Брюсов воспитывал в себе умение смотреть на современность из глубины веков, только так осмысливался исторический путь России, и в этом отношении проблема Запад-Восток обретала уже не теоретический, а личный, индивидуальный характер. Так, в одном из писем 1905 года Брюсов писал П. П. Перцову: «Я вижу новые эры в истории. Не говорю уже

о воочию начавшейся борьбе против Европы, против двухтысячной гегемонии европейской культуры. Но что ждёт нас, если Россия сдвинется со своих вековых монархически-косных устоев? Что, если её обуяет дух демократического безумия, как Афины времён Пелопонесской войны?» [2, с. 228]. В этой фразе отражается многое из брюсовских дум как о будущем России, так и об эпохальном выборе страны, и если проблема Восток-Запад решается писателем сквозь призму исторических параллелей противоборства Греции с Персией, то личный выбор поэта оказывается на стороне империи, которая вобрала в себя азиатскую культуру.

В связи с этим Брюсов обращается в следующей своей книге стихов – *Urbi et Orbi* (1901-1903) – непосредственно к азиатскому миру в стихотворении «В Дамаск». По поводу него критик Ю.А. Веселовский писал: «В таких стихотворениях, как «В Дамаск», «Пытка», мы находим то причудливое соединение эротической поэзии с отголосками религиозного культа, верований и обрядов, которое можно отметить» и у некоторых западноевропейских поэтов новейшего времени, вроде, например, Верлена и отчасти Оффенбаха» [2, с. 194]. Мир Востока как переплетение чувственности и телесности с высокой набожностью и ревнивым служением религиозному культу предстаёт здесь альтернативой западной цивилизации. Путь в Дамаск как эпохальное решение судьбы России ознаменовывается в этом стихотворении поворотом к Востоку. Об этом свидетельствуют финальные строчки стихотворения:

«Вот он, от века назначенный, / Наш путь в Дамаск!» [3].

Помимо восточных мотивов и образов, интересующих поэта с точки зрения расширения содержательного строя поэзии, Брюсов обращается к литературе Востока в поиске технических средств художественной выразительности. В книге стихов «Все напевы» находим стихотворение «Встреча» (1907), в котором автор представляет имитацию египетской поэзии, сопрягая её с темой «прапамяти» как воспоминания о своём «прежнем существовании» в Древнем Египте и употребляя для этого сверхдлинные размеры с цезурами [7, с. 113]:

*Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг, царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера* [3].

Попытка соединения найденных художественных приёмов с концепцией отражения в поэзии цивилизационного развития человечества, представленного через временные срезы культур разных народов, реализуется Брюсовым в «Снах человечества» (1911-1917), в которых, по мнению М.Л. Гаспарова, поэт имитирует арабо-персидское стихосложение в четверостишии «на тему из Хайама» [7, с. 210]. В этом же сборнике Брюсов обращается и к имитации чисто арабской поэзии, опираясь на касыды Набиги (Зияд-ибн-Муавия Набига аз-Зубьяни ок. 533 - ок. 604) в прозаическом переводе Г. Овсенко под редакцией А. Крымского.

*Катамия! оставь притворство, довольно хитростей и ссор,
Мы расстаемся, — и надолго, — с прощаньем руки я простер.
Когда бы завтра, при отъезде, ты распахнула свой шатер,
Хоть на мгновенье мог бы видеть я без фаты твой черный взор,
И на груди твоей камня, как ярко-пламенный костер,
И на твоей газельей шее жемчужно-яхонтный убор,
На шее той, — как у газели, когда она, покинув бор,
Наедине с самцом осталась в ущельях непроходных гор
И шею клонит, обедая из ягод пурпурный узор
На изумрудно-нежных ветках, топча травы живой ковер,
Мешая соки со слюною в один пленительный раствор,
В вино, какого люди в мире еще не пили до сих пор! [4]*

Так, в стихотворении 1912 года Брюсов соединяет стилистику сказок «Тысячи и одной ночи» [6, с. 213] с сюжетом касыды Нагиби, при этом стараясь сопрячь воедино западную традицию восприятия Востока с российской установкой на фактографию. Типичное изображение женщины Востока как тела, убранного украшениями из самоцветов и жемчуга, а также сравнение женского образа с газелью – всё это свидетельствовало о продолжении сложившейся на Западе традиции изображения Востока, однако стиховые эксперименты Брюсова подчёркивали устанавливаемую им традицию на особую поэтическую стилизацию, в которой новаторство автора проявлялось бы именно в технической стороне стиха, в том, что должно было открываться слуху, а не глазу, и что вполне отвечало символистским установкам.

Безусловно, сам Брюсов осмысливает себя представителем культуры Запада, но восточные мотивы явственно сказываются в его произведениях на западные сюжеты и реализуются в тяготении поэта к мистике, которая ярче всего проявилась в изучении литературы XVI века, и к эротике, которая выразится со всей полнотой в годы первой мировой войны и предреволюционные годы в книге «Эротопегнии» 1917. «Стихи Овидия, Петрония, Сенеки, Приапеевы, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиана, Луксория в переводе размерами подлинника». Эротические мотивы, представленные в творчестве любимых Брюсовым античных авторов, будут востребованы в связи с усиливающимся ощущением приближения Востока.

Необходимо заметить, что писатели серебряного века активно путешествовали по станам арабского мира. По свидетельству приближённого к поэту круга собеседников, он также надеялся осуществить эту затею: «Перед войной Брюсов задумал совершить поездку в Тимгад, мёртвый город в Африке, почти что в Сахаре. Валерий Яковлевич хотел найти в нём следы Атлантиды. Война помешала осуществить это путешествие» (с. 426-427). В другом

мемуарном свидетельстве уточняется причина желания писателя попасть именно туда: «Заветной мечтой Брюсова было посетить Африку, район Тимбукту. Селение Тимгит (Сахара, Судан, верхнее течение реки Нигер). По мнению Валерия Яковлевича, здесь были расположены колонии Атлантиды и была надежда найти какие-то следы поселений и остатков культуры атлантов» [2, с. 427]. Из этого уточнения становится ясна идея Брюсова увидеть в Африке прообраз некогда единого культурного пространства – симбиоза восточно-европейской культуры. По этой причине поэт обращается к мифу об Атлантиде, пытаясь перевести его на язык научной гипотезы, как отмечали впоследствии исследователи этого феномена возрождения якобы некогда существующего материка: «Историки колеблются, и не один Брюсов, а и другие сторонники «моногогенезиса культуры» ищут себе опоры в «праисторической культуре» Атлантиды» [2].

Таким образом, именно образ мифической Атлантиды вобрал в себя все утопические представления о единой западно-восточной культуре, конструированию которой, исходя из исследовательских объяснений, посвятил себя Брюсов накануне революций 1917 года: «В статьях Брюсова мы не найдём, конечно, разрешения этих сомнений. Он даёт зато превосходное резюме открытий и изысканий по части древнеегипетской, вавилонской и, что особенно ценно, эгейской или крито-микенской культуры, выведенной на свет трудами ряда археологов от Шлимана до Эванса. Он уделяет особое внимание так называемому Кносскому «Лабиринту» на Крите и его хозяевам; указывает границы древней «минойской» культуры и позднейшей микенской; рассказывает историю и развития и падения, смутно воспоминаемого в греческих эпических сказаниях фиванского и троянского циклов» [2, с. 493]. Культурологические штудии Брюсова отразились в его книге «Опыты», в которой он открыто признаётся в совершённом им открытии вследствие изучения древних восточных и западных литератур: «Поэзия античности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полукультурных племен, – представляют множество образцов разного рода технических приёмов, способствующих основной цели: победить слово» [2, с. 510].

Ещё один ориентир В. Брюсова в обращении к теме Востока – это Пушкин. В 1917 году Брюсов задумывает мистификацию – дописать пушкинскую поэму «Египетские ночи» [5]. В «Предисловии» поэт серебряного века сообщал: «Сохранилось несколько черновых, подготовительных набросков и довольно большой отрывок, включённый в повесть, написанную прозой. Воссоздать по этим данным, что представляло бы целое, – и было задачей моей работы, которую можно назвать «дерзновенной». Но ни в коем случае, думаю я, не «кощунственной, ибо исполнена она с подлинной любовью к великому поэту»» [2, с. 480-481]. Как видно из этого брюсовского объяснения, идея конструирования разных культур в единое

целое, заявленное в мифе об Атлантиде, воплощается им в эксперименте, предполагающем единое сопряжение культур золотого и серебряного веков. С одной стороны, решалась проблема незавершённости пушкинского фрагмента и его явленности читателю в законченном виде, с другой стороны, Брюсов, как многие поэты серебряного века, воплощал романтическую идею вызова Богам, к коим, несомненно к началу XX века, был причислен Пушкин.

Насколько эта идея была конструктивна, можно было предположить уже тогда, но, наверное, Брюсову важен был сам факт прикосновения к пушкинскому тексту как свидетельство писательской возможности. О том, как именно Брюсов дописывал «Египетские ночи» Пушкина, изучил В. М. Жирмунский: «Словарь Пушкина, идеализированный сообразно поставленной художественной задаче, но всегда абсолютно точный и строгий в смысле выбора и сочетании слов, всегда предполагающий индивидуальную, неповторимую синтетическую связь между эпитетом и предметом, он подчинил своеобразным особенностям своего поэтического стиля, повторяя те же слова, но в сочетаниях, делающих их смутными, обобщёнными и логически невыразительными. Пользуясь словами, до крайности напряжёнными и яркими, соединяя их элементарными контрастами одинаково резких противоположностей, нагромождая лирические повторения отдельных звуков или слов или целых стихов, он создал произведение типично романтического стиля, глубоко чуждое пушкинской поэзии» [9, с. 483]. Вердикт учёного-филолога был предопределён: повторить пушкинский гений невозможно, но тем не менее интересен выбор Брюсовым самого материала для эксперимента: текст, навеянный восточными мотивами и образами.

После революции поэт вновь обращается к найденному ещё в раннем творчестве приёму – изображении рефлексии современности через исторические картины прошлых культур. Поэтому, когда появился в печати сборник «Миг» 1922 года, критические отзывы были соответствующе ироничными: «И было в лето от Р.Х. тысяча девятьсот двадцать второе, а от начала Коммуны пятое, и увидела свет книга по названию «Миг»... а стихов – по названию их – числом тридцать, а имен богов и богинь, египетских, греческих, римских, христианских – Изида, Киприда, Афродита, Христос, Савааф и проч. – всего числом с десятков; и царей, и цариц – Клеопатры, Соломона, царицы Савской и прочих – числом не менее; и мужей и жён прославленных из всех народов и веков – множество; и столько же было наименований рек, стран, городов, царств, государств» [2, с. 575]. Безусловно, для развития брюсовского таланта повторение ранее использованных в творчестве приёмов было решением непродуктивным, однако брошенный М. Горьким клич в сторону писателей-модернистов с призывом возродить в литературе просветительские тенденции и заняться окультуриванием только что научившихся читать и писать пролетариев находил результативный ответ в этом

сборнике поэта. В конце концов так реализовывалась воспитательная функция, заявленная Просвещением, которое хорошо укладывалось в культурологическую доктрину Брюсова.

Таким образом, изображение Брюсовым мира Востока складывается из двух составляющих: во-первых, культурологической доктрины, в которой арабскому Востоку наряду с другими цивилизационными этапами развития человечества отводится важная культурная роль создателя разных лирических форм, не доступных западной литературной практике, а также образов сильных и ярких героев-«вождей»; во-вторых, из творческих экспериментов поэта-символиста с литературной формой, которые будут осуществляться прежде всего в опытах со звуковой тканью стихотворения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин [Электронный ресурс] // Новый мир – 1999 – № 6. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/6/gyote-i-pushkin.html?ysclid=lf44gdxglf600974301 (дата обращения: 18.03.2023).
2. Ашукин Н. С., Щербаков Р. Л. Брюсов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 689 с.
3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892-1909. – М.: Художественная литература, 1973. – 670 с.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. – Т. 2. Стихотворения 1909-1917. – М.: Художественная литература, 1973. – 494 с.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. – Т. 3. Стихотворения 1918-1924 гг. – М.: Художественная литература, 1973. – 694 с.
6. Вацуро В. Три Клеопатры // *Dissertationes Slavicae.: Hist. Litt. XXI.* – Szeged, 1995 – С. 207–217.
7. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М.: Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с.
8. Григорян В. С. Восток в творчестве В. Я. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1982. – 13 с.
9. Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. – Петербург: Эльзевир, 1922. – 104 с.
10. Каганович С. Л. «Восточный романтизм» и русская романтическая поэзия // *Контекст-1982.* – М.: Наука, 1983. – С. 192–243.
11. Тартаковский П. И. Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин: статьи. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1986. – 252 с.